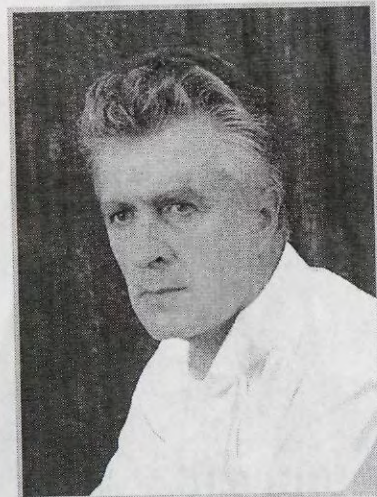

Валерий
ЛЮБУШИН

СНЫ
О РОССИИ

Валерий
ЛЮБУШИН

**СНЫ
О РОССИИ**

Избранная лирика

Петропавловск
2002 г.

*Автор благодарен Ю.Ф.Захарову
и Е.Б.Джалимову за оказанное содействие
в издание этой книги.*

ЛЮБУШИН В.И.
"Сны о России". Избранная лирика

г.Петропавловск

КБИ - 33-07-06С

Сдано в набор 10.09.2002

Подписано в печать 24.12.2002

Книга избранных стихотворений русского поэта из Северного Казахстана посвящена русской культуре, ее великим творцам и создателям, пейзажам России. Кроме того в сборнике широко представлена любовная и философская лирика, а также стихи из цикла "Европейская мозаика", в которых оживают образы из античной истории, средневековья и Возрождения, Новой и Новейшей истории. Одиссей, Елена, Христос, Джентиле, Боттичелли, Винчи, Моцарт, Шопен, Роден, Модильяки, Дали - вот неполный перечень тех лирических героев, с которыми вы встретитесь на страницах этой книги..

СНЫ О РОССИИ

СНЫ О РОССИИ

Вот и наступил июль. Июль — это время, когда природа раскрывает все свои сокровища. Июль — это время, когда душа стремится к свободе и к радости. Июль — это время, когда мы вспоминаем о своей Родине и о том, что мы — часть великой истории нашей страны.

***

Я верю в чистоту
и девственность берез,
В Рублева фрески,
Пришвина болотца,
Я верю снова
до беспамятства и слез
В тот храм,
что Родиной для нас зовется.
А утром, выйдя
на простор шальных ветров,
Вдыхать всей грудью
воздух райской сини,
Поняв, что в мире
лучше не найти цветов,
Чем ~~полевые~~ ландыши России.

Луговец

Июнь 2001 г.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

Листая вещие страницы,
Где вместо букв цветы и травы,
Где запевают дружно птицы
В зеленых зарослях дубравы,
Где есть реальность, с нею - ласка,
Что раскрывает нам объятья,
Где не указка, а подсказка
Поможет избежать проклятья,
Где солнце и любовь на счастье
Согреть готовы всех прилюдно,
Где к нам придут не на причастье,
А чтобы отmolить от блуда,
Где нам луна вручает тайны,
Пленяя мир своим мерцаньем,
Где, как лунатики, мы пьяны
Влеченьем темным, мощным, странным,
Где хоровод из звезд весенних
Споет кантату вдохновенно,
И в танце властном воскресенья
Дождемся мы любви нетленной,
Где слово из груди поэта,
Все в красках, запахах и звуках,
Поможет вдруг ослабить беды,
Чтоб нам не становилось жутко,
Чтоб Небо и Земля обратно
Сошлись надолго, не на миги...
И стало на душе отраднo
От чтенья Голубиной Книги.

Июль 2001 г.

***

М. Врубелю

Лазурь небесную ласкал пройдоха-бриз,
Все с трепетом росло и улыбалось...
Вдруг кто-то с крыльями внезапно рухнул вниз,
Долина застонала, в страхе сжалась...

В ней Демон сильно искалеченный лежал:
В крови, безумный... только дух остался,
И лишь зрачок округу гневно вопрошал
Да хрип сквозной из легких вырывался.

И тут возник в сердцах и душах трубных глас,
Он нисходил из райского подполья,
В котором без надежд и всяческих прикрас
Торжествовала снова божья воля.

«Юродивый, зачем в грехе опять дерзал?
Мятежный ангел, ты повержен силой...
Не для тебя теперь небесный трон и зал,
Куда бы страсть души ни заносила...»

И, слыша это все, несчастный умирал,
В отчаянье ввергали всхлипы, звуки...
И стал не демоном, что дерзостно восстал,
А так... рабом, сдыхающим от муки.

И каждый человек прочертит в жизни след,
Придет, уйдет из хат и нив бескрайних...
Какой оставит бред? Какой оставит свет?
Какую унесет в могилу тайну?!

Август 1996 г.

ЛИКИ РОССИИ

***
«...И слово было Богом...»
Библия

Кирилл и Мефодий,
Солунские братья,
В духовной работе
Не почестей ради.

Глаголом славянским
Всю Русь озарили,
В созвучиях райских
Нам Бога открыли.

Сквозь время и земли,
Сквозь лени засовы
Красою объемлет
Зовущее слово.

Аввакум и Ольга,
Сильвестр, Дионисий,
Как будто из Волги,
Тем словом омылись...

Омылись, крестились,
Отечество бдили,
Рожали, молились
И Правдою жили.

Глагол, Богом данный,
Ты жив, не почил,
И в дни испытаний
Победно звучи!

Май 1996 г.

СТАРОРУССКАЯ БАЛЛАДА

На берегах Днепра, холмистых и раздольных,
Под стен защитой и глубоких рвов
Вознесся к небу Кия град первопрестольный,
Краса и мать русских городов.

В нем правил Святослав, он, «аки пардус» в свете,
С дружиной рыскал греков хитрых рать,
А в Киеве остались мать, жена и дети,
И воевода дань ушел собрать.

Тут, улучив момент, поперли печенеги,
Ордой столицу всюду обложив.
Горят кругом костры и застыт дымом небо,
И ржание коней, что море ржи.

Вояк степных гортань с угрозой сеет крики,
Вселяет ужас стрел горящих лет...
Ужели обречен преславный город Киев,
Ужели княжья помощь не придет?

Но в грозный час беды, печали, безнадежья
Нашелся отрок, град решив спасти,
Он в стан врагов проник с уздечкой, без одежды,
Чтоб печенег жестокий не настиг.

Летит стремглав к Днепра высокому обрыву,
За ним погоня, свист пернатых стрел...
Прыжок... и ласточкою в волн седую гриву
Нырнул и будто кто его кнутом огрел.

Плывет быстрее, ныряя часто и глубоко,
Уйти бы и добраться до своих,
И видит он, что с берегов родных, отлогих
Скользит к нему ладя... и страх утих.

В ней были люди из дружины воеводы,
Он крикнул им, далеким, но своим,
И вскорости реки участливые воды
Его доставили чуть-чуть живым.

Шепнул дружинникам: «Назавтра приступ будет...
Спешите... Голод в граде взял разбег...».
И через ночь запели утром в небо трубы,
И отступил раскосый печенег.

С тех пор никто не помнит имени героя,
В анналах он всего лишь имярек,
Но помнят, как с уздечкой бегал отрок кроткий,
Что Киев спас, прославившись навек!

Ноябрь 1996 г.

***

Шелестела береза речистая,
Всей листвою шептала своей,
И дышало вверху небо чистое,
И тянулся в нем клин журавлей.

Ворковали цветы, колобродили,
Улыбались, галдели... их бал,
И, танцуя в полете увертливо,
Мотылек от восторга порхал.

А вдали узкой лентою торною,
Вся от свежести синью восстав,
Убегала речушка задорная,
Гордость девичью солнцу отдав.

Я лежал, немостою пронизанный,
Весь уставший от бед, суеты,
На роду мне, как видно, написано
Не прожить без такой красоты.

Красота моей Родины в облике,
Что сияет в ишимских лугах,
И в полыни горчащей, и в облаке,
В зеленеющих колках, садах.

Июнь 1996 г.

ИЗ ПОЭМЫ «СЕРГИЙ ИЗ РАДОНЕЖА»

1

Пролог

Я в Лавре. Золотятся купола,
И небосвод багрянится в закате...
Вечерней звонницы колокола
Призвать людей на встречу с Богом рады.

Ушли из сердца грусть и суета,
И воцарилось вмиг успокоенье.
И я шепчу: «Какая лепота,
Какая красота на удивленье!»

А в небе чертит самолет маршрут,
Гудком зовет экспресс московский,
И дальний гул столичных пересуд
Пытается, как тать, вползти по-горски.

Тут рос когда-то необъятный лес,
Тут хаживали звери по тропинке,
Наигрывал в жалейку злющий бес,
Заманивая христиан в глубинку.

Здесь обитало столько бедолаг,
Здесь Сергей основал свою обитель.
Теперь иное... Все уже не так,
И в дверь стучится с матом пьяный житель.

Обыдлились... Нам дороги сейчас
Не ценности духовные, а дразги,
Не женщины любовь в подлунный час,
А бред компьютера и стали лязги...

Не Бог, а деньги, не свобода - плен,
Не жалость к сирым и игра с ребенком...
Все перемелет снова в прах и тлен
Безжалостная жизни шестеренка.

Но есть еще на свете, господа,
Суд совести и памяти дорога,
Руси Великой горняя звезда
И наша мать на жертвенном пороге!

Август 2000 г.

2

ПЛАЧ РУССКОЙ ПОЛОНЯНКИ

Не увижу родительский дом
И икону в своей светлице,
Как подкатывает к горлу ком,
Как скорбят у подружек лица.

Заарканил, украл под звездой
Нашу честь, нашу душу, тело
Басурман... и внутри сухостой,
В двери горе огнем влетело.

Из родимой угнали земли,
Увели от милых, любимых...
И хвостами коней замели
След на родину, чтоб забыли...

Плачет ночью пастуший рожок,
Ах, неволя и боль прощанья,
Не увижу тебя, мой дружок,
Очи мрут без слез покаянья.

У березок печальный наряд,
Грустно машут опять листвою,
И я чувствую вдруг, что горят
Их страданья вновь берестою.

Ты прощай, наша матушка-Русь!
Не вернусь,

не вернусь,

не вернусь...

Август 2000 г.

ХОР ПОГИБШИХ РУССКИХ ВОИНОВ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Господь! Покинуть этот щедрый мир нелепо,
Но час пробил, за Русь должны мы жизнь отдать.
Нас нет в живых. Мы растворились в дымке неба,
Мы ратники, и не впервой нам умирать.

Тела изрублены, исколоты, избиты...
Но мы исполнили от Родины наказ,
Стервятники не только русской кровью сыты,
Мы жизни не жалели... помните о нас!

Мы слышим плач, мы видим ваши слезы,
И вправду уж ничем не можем вам помочь...
Живите, милые! А мы почили в Бозе,
Не забывай, жена, наследник-сын... и дочь!

Мы всех приветим лаской солнца, легким ветром
И теплым дождиком, что урожай вам даст,
То колокольным звоном, то душевным светом,
Но только молим: «Помните о Нас!..»

Август 2000 г.

«...были убиты знаменитые, великие и удалые, имена же их таковы: князь Федор Романович Белозерский и сын его - князь Иван, князь Федор Семенович, князь Иван Михайлович, князь Федор Торусский, князь Метислав, брат его, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула Васильевич, сын тысяцкого, Михайло да Иван Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Шуба, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Акатьевича, называемый Валуй, Михайло Бренко, Лев Морозов, Тарас Шатнев, Семен Мелик, Дмитрий Минин, Сергиев чернец Пересвет, он же Александр, бывший прежде брянским боярином... И были все те, которых имена названы, великие удалыцы и богатыри, а прочих князей, бояр, воевод, кнежат, детей боярских, слуг, пехотинцев бесчисленное множество убито, и кто их может пересчитать или назвать, если и число их потеряно? Записаны их имена в Книги Жизни».

Из «Повести о Куликовской битве».

***

Гуляет важно по аллее граф,
Орлиный нос, камзол, трость в изумрудах.
Поляна вся в ковре из мятных трав,
И с веток нависают яблочк груды.

В короне солнца на пригорке дом
Укрыт сиренью, паводком ирисов,
Раскрыт наполовину пухлый том
О де Гриё с его сердечным риском.

Из окон вдруг доносит ветерок
Девичий голос, скрипки перепады.
О чем смычком поведает игрок,
Что шмель степенный прожужжит руладой.

Но не раскрыл нам тайны той клавиш,
А рай исчез, усадебный, исконный...
И смотрит он со стареньких картин
Глазами Богородицы иконной.

Я б выбрал тоже век Екатерин,
Амурных взлетов, подвигов, амбиций...
За честь страдающий гардемарин
Моей России и императрицы.

Декабрь 1998 г.

ПОЦЕЛУЙ

Маркиз на сомовской гравюре,
Я ручки томно целовал
Моей Annet, и ей амуры
На ухо страстные шептал.

Присели на скамейке рядом,
Она смеется «хи» да «ха»,
А я ей про грехи де Сада,
Его любовные дела.

Какие грудки наливные!
Пленителен лица овал...
Что я не выдержал впервые
И голубем заворковал.

Вдруг смолкла хохотунья мило
И, косы распустив свои,
Мне поцелуем рот закрыла...
И я забыл про дни, часы.

А розы счастьем пламенели,
Смотря на пылкую возню,
Акафисты нам дружно пели,
Склоняли к сладостному сну.

Все мысли дружно помutilись,
Но бормочу: «Mon cher ami!»
Тут в спину ноготки вонзились...
И я познал восторг любви.

Post scriptum.

Когда тоска не в шутку скрутит,
Бегите сразу в Летний в сад,
И пусть красотка Вас целует,
Из ласк устроив сердцепад.

Август 2000 г.

***

Тропинка петляет меж елей,
В ней жизни теряется след.
В Михайловском, в царстве метелей,
Опальный тоскует поэт.

Все версты, сугробы, заносы...
Поземка зовет на погост,
Зимы проступают угрозы
В тревожном узорочье звезд.

Спасают стихи, завирушки,
Что няня расскажет ко сну.
Елена, Яга и зверушки
Быстрее приближают весну.

Поедет в Тригорское гостем
(От Вульфов прислали ответ).
Еще не пробило и восемь,
А в окнах уж теплится свет.

Он, словно надежды касанье,
Приветливых глаз огонек,
Семьи дружелюбной посланье
И слова сияющий слог.

Остроты, беседы, романсы
И танца торжественный тур,
Рождаются с легкостью стансы,
И царствует в доме Амур.

Провинция, муза, шалуньи
Любовь воскресили вдвойне,
В Тригорском опять полнолуние
И свет канделябра в окне.

Февраль 1999 г.

***

На неприметной речке Черной...
Какой нам выпал год и век!
В тот день для всей России скорбный
Кровь обагрила белый снег.

Страстей слепых игра, интриги
И смертоносный пули суд
Вдруг так пронзительно и мигом
Нить жизни грубо оборвут.

Но не обманешь смерть с косою...
Скорбящим стал страданий шлях...
И шла Россия к нам босою,
В слезах... Да так и не дошла.

Я в храм войду с душой смиренной,
Свечу поставлю и зажгу
И помолюсь за убиенных,
За тех, о ком Христу скажу...

На незабвенной речке Черной
(Смешались в горе день и век)
Упал, чтоб стать звездой горней,
Курчавый, смуглый человек.

Февраль 1999 г.

***

А Пушкин не канул в вечность,
В беспаятство быта и снов,
Хоть звезды уходят в млечность,
Но к нам возвращаются вновь.

Курчавый знакомый профиль
Дороже сиятельных лиц.
Стихи, зарисовки, строфы
Струятся с бессмертных страниц.

А жизнь то расцвет, то ветхость,
И хочется все вопрошать.
Но Пушкин для нас - неизбежность
Прекрасное приумножать.

Апрель 1999 г.

***

П.П. Ершову

Ах, Конек-горбунок!
Ты взлетаешь в полночное небо,
Чтобы звездный порог
Превратился б для нас в быль, не в небыль,
Чтоб узоры из звезд
Вызывали восторг, восхищенье,
Чтобы вид их красот
Пробуждал лишь любовь и смущенье,
Чтоб простецкий Иван,
А таких, Боже, тыщи и тыщи,
Свой обрел талисман
От сердечной тоски и скучищи,
Чтоб подругу нашел,
Девку красную в дальнем подворье,
Хоть и гол как сокол,
Но здоров и не чахнет от хворей.
И тогда горбунок
Отдохнет от трудов и от таски...
Он любимый конек,
А любимым побольше бы ласки.

25.04.2002 г.

НАДСОН В КРЫМУ

Сад не спит, окутанный сиренью,
Сад вздыхает, словно старый дед,
И, внимая радостному пенью,
Бродит он, мечтатель и поэт.

Вдалеке неясный шорох моря,
В небе золотистая луна,
И прибою в такт негромко вторит
В тишине поющая струна.

То звучит надрывно и печально,
То смеется шалою листвою
Предается сладкому мечтанью
И манит девчонкой озорной.

На дороге пляшут тенью мимы,
Смотрит строго старая сова,
И, сплетаясь в песенные ритмы,
Оживают мертвые слова.

Он забылся в образах нездешних,
Мысль звездой падучею горит,
И как будто кто-то древний, вещей
С ним о сокровенном говорит.

Сад притих, уснувший и спокойный,
Серебрятся в дымке небеса,
И застыла каплей полусонной
На цветах прозрачная роса.

1963, 1996 г.г.

***

Я смотрю на картину Крамского,
Где Христос, как всегда, одинок...
От пустыни, камней веет кровью
И тоской, что лишь Он превозмог.

Третьяковка, ты русская слава,
Всем поведай о крестном пути,
Чтобы в сердце не боль и отравы,
Но отрада проснулась в груди.

Распинаться давайте не будем,
Нам России страницы листать...
А она вся опять на распутье,
Это ей придан облик Христа.

Как тревожно восток озаряет
Все пространство, где странник сидит...
Но опять пусть для нас воссияет
Солнце истины, что победит.

23.08.2002 г.

***

Смотрю на старое и выцветшее фото:
Седой мужчина с пышными усами,
Его жена - с улыбкой грустной и не гордой,
И сын - гардемарин в мундире - Саня.

Он не вернулся - пал под городом Мукденом.
Невеста так подавлена... нет мочи,
А мать погибшего рыдает ночью, денно,
Страдает сердцем, выплакав все очи.

Отец запил, зачах... И род их оборвался,
А драма эта среди нас нередка,
Ведь сколько мы еще не станцевали вальсов,
Которыми пленялись наши предки.

Мне не забыть семью со старенького фото,
Особенно того, кто счел за благо
Гардемарином стать и офицером флота,
Страну беречь и Честь родного флага.

Через года, через крутые лихолетья
К тебе я обращаюсь, Саня Панин!
Россия - наша мать! Мы за нее в ответе...
Нам смерть - не смерть. Победа будет с нами!
Октябрь 1996 г.

«АМУРСКИЕ ВОЛНЫ»

Старинного вальса призывные звуки
Разносятся грустно, возвышенно, скромно...
«Амурские волны», вас деда и внуки
Всегда танцевали под небом огромным.

Под пологом ночи, под синим покровом,
Где звезды влюбленно на землю мигают,
Где в бликах фонарных и желто-багровых
Таинственно ели на мир наш взирают.

Там музыка царствует, молодость правит,
Там бал для красивых, надежных, отважных,
Там пышут здоровьем, мечтою и правдой,
Там столько любимых и столько бесстрашных...

Поручик в мундире, смущенный и ловкий,
Кружит по площадке с избранницей страстно,
Она же в порыве, откинув головку,
Плывет в ритмах вальса стремительных, частых.

Не нужно тут слов и пожатий несмелых,
Не писем безумных, уклончивых, важных...
Здесь музыка в душах прекрасных и светлых,
Здесь вальса побеги восторгами свяжут.

Уж минуло много годов и угасло...
Ушли поколения... След затерялся,
Но вновь воскресает упорно и властно
Пленительный ритм старинного вальса.

Он нынче изгнанник, но молод и вечен,
Он вдруг закружит так, шутя, полпланеты...
И сбросим с себя омертвевшие речи,
Бескрылые пути и вражьи наветы.

И пусть вальс не моден. Но вы мне поверьте,
Нет истины выше, чем жизнь человека...
«Амурские волны», вы наше бессмертье,
Вы наша надежда, мелодия Века!

Октябрь 1996 г.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

*30 ноября 1909 года в восьмом часу
вечера скоропостижно скончался от
разрыва сердца на ступеньках
подъезда Царскосельского (ныне
Витебского) вокзала русский поэт
Иннокентий Анненский.*

Царское Село... перрон вокзала.
Моросит, изматывая, дождь,
Серый полог грустью искромсало,
И тоскливо пробирает дрожь.

А кругом снуют платки и рожи,
Шубы, животы... и чей-то нос
Штопором уставился негоже
На букет из ярко-красных роз.

Господин с пушистыми усами,
В аспидном пальто, красив, высок...
Все ведет с родными небесами
Разговор под шум и кривотолк.

«О Эллады мраморные своды,
Жертвенников брачные огни,
Кифареды, алтари свободы,
Крик Медеи и Елены сны!

Подари же, слякотная осень,
Для поэта творческий восторг,
Чтобы хвойным ароматом сосен
Задышал над речкой косогор.

Но довольно милых отражений,
В сердце черная дыра и боль!
И в упор взирает без сомнений
На меня изгнившим ртом юдоль...»

Господину что-то вдруг неймется,
Сделал шаг, упал на парапет...
У России сердце тоже рвется,
Если не дают ей песен петь!

Сентябрь 1998 г.

А.Блоку

Закат спустился на зубчатый лес.
Усадьба погрузилась в дрему сна.
И благовест на мир крестьянский весь,
А в нем Руси молитвенное слово.

Вот сумерки собой одели бор,
И тишины дыхания не слышно.
Кругом покой. Закончен жаркий спор.
Вдруг пауза - и песнь струится свыше.

Гортанный низкий голос в ночь поет,
То «Невечерняя» царит на свете.
Как упоителен ее полет,
Какая боль, какая грусть в победе...

В нескладной, полной женщине навзрыд
Рождается мелодия такая,
В ней божества восторг и чувства взрыв,
И кажется, что песнь звучит святая.

Но вслед за этим страстный скрипки взвизг,
Цыганка не поет, а в плаче бьется,
Как будто наступил смертельный риск
И сердца бег от страсти оборвется.

И слушает античный полубог
Цыганку Варю, Вареньку, сивиллу,
Золотокудрого звать Александр Блок,
Разлука с жизнью - расставаньё с милой.

Но песня стихла... Утро настает.
И на панель уходит незнакомка.
А рядом кто-то мерзкий ржет и пьет,
Рыгает в стол и матерится громко.

Декабрь 1996 г.

***

«...Изысканный бродит жираф».

Н.С. Гумилев

Поэт российский Ника Гумилев,
Высокий, с чуть косящими глазами,
Бесстрашно шел на африканских львов
С молитвой и волшебными стихами.

Он бредил приключеньями не год,
Влюбившись в девушку с печальной улыбкой.
Но Аня Горенко - сердечной смуты код
И тайна, ставшая неуловимой, зыбкой.

Он - денди-шут и рыцарь-доброхот,
Высокомерен и раскрыт для Бога,
В нем жив герой из древних саг и од
И мастер поэтического слога.

Лихой кавалерист на фронте Мировой,
Всегда простой в общении и дружбе,
Он был с избранниками только свой,
По духу - друг и сердцу - не по службе.

Достоинство - его великий дар,
А честь не променяет на карьеру,
Террор в стране пылает, как пожар,
Окрашенный в кровавую химеру.

И следователь - некий Якобсон
В штанах из кожи - мерзкий кровопийца,
Обрек поэта на смертельный сон,
Он и Агранов - гения убийцы.

Россия, гибель эту не забудь!
Финал кровавый - сатаны свершенье.
«Иду к Тебе... Иду в последний путь...
О Господи! Прости мне прегрешенья!»

Февраль 1997 г.

***

«Родина сильнее смерти».

Велимир Хлебников

Велимир, Велимир, Велимир...
Бумеранг возвращается в сердце,
И уносит к звезде Альтаир
Вдохновенное слово из детства.

А оно в астраханских степях;
В плавнях, речках, лесных пригорках.
Свиристель вдруг окликнул тебя,
Зинзивер в камышах славит зорьку.

Как взлетают легко времири,
Путь заранее лешими мечен,
А небес лазурит: «Обомри!»
Время в камень оделось навечно.

И кружит... И звенит... И поет...
Благословением Божиим дышит,
Заворкует и грянет в излет
Ритмом, песенкой, словом всевышним.

В тридцать шесть с небольшим тяжких лет,
Над Санталово в плаче Стожары,
Умирать будет русский поэт,
Обезноженный гений Земшара.

И в последнем предсмертном бреду
Промелькнули гимназии годы,
И увиделся в третьем ряду
Мальчик Виктор, застенчивый, гордый.

А потом - он студент и поэт,
Математик, филолог и мистик,
Авангарда российского мэтр
И скандалов творец, только свистни...

Ему ближе Гуро и Бурлюк,
И Алешка Крученых - не промах,
Даже Казик Малевич сам - друг,
А Василий Каменский - опора.

Ах, как бедному хочется жить,
Но почти прекратилось дыханье:
«Чашу горькую дайте испить
На прощанье, друзья, на прощанье...»

Март 1997 г.

*«Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет».*

С. Есенин. «Письмо матери»

«Матушка, открой-ка двери в сени!
Отзвучали крики птичьих стай,
Из Москвы я, твой Сергей Есенин,
Заявился на домашний чай...»

В клетчатом пальто, цилиндр помятый
И в руке блистает лаком трость.
От лица пахнуло медом, мятой,
На ладони винограда гроздь.

Нет дороже очага родного,
Как приветлив из трубы дымок!
И в углу, где печь встречает снова,
С щами ждет трудяга-чугунок.

А напротив с шишаками койка,
Темные иконы, образа...
На окне взлетает в клетке сойка,
На столе цветов степных краса.

Он не ведает, что власть марксистов
Захлестнет удавкой жизнь его,
А пока все так уютно, чисто,
Кот заснул, поет веретено...

Мать есть мать. «Сережа, мой сыночек!
Я связала для тебя носки,
Чтоб морозных и холодных ночек
Не боялся, как лихой тоски...»

Заскрипели ходики спокойно,
Призывая отдыхать и спать.
Мать задула лампу и невольно
Вдруг слезу смахнула на кровать.

И забылся в сне ее беспутный,
В детстве утопая, как в лугах,
Завтра утром день наступит судный,
Боже! Пожалей людей и птах!

Сентябрь 1999 г.

***

*«Чем выше музыка любви,
Тем громче музыка печали...»*

Б. Окуджава

Моя Айседора, ты смотришь с портрета,
И грусть затаилась в лазурных глазах...
Ты муза любимого Русью поэта,
Ты рыжая опадь в его волосах.

Когда под мелодию жалостной флейты
Вплывала ты нимфой и в вечность звала,
Восторг пробуждая. То вызовом смерти
Та музыка тела и сердца была.

Но жизнь убивает безжалостно, люто:
На парне рязанском удавкой аркан...
Не знает душа его в эти минуты,
Как шарф захлестнется на шее Дункан.

Вы стали легендой, Сергей, Изадора,
И нам тосковать еще долго по ней...
А песню рождают степные просторы
Под танцы и бег длинногривых коней.

4.03.2002 г.

***

Припаду я головой
К матери-Отчизне:
«Я, Россия, ратник твой,
Пахарь слов и чисел...

И работник, и поэт,
Малая кровинка.
И бреду я столько лет
Ко твоей глубинке.

К темным муромским лесам
И лужайкам мшистым
Принесу я сердце сам
Из степей ишимских.

И седая голова
Затрясется в плаче,
В плаче радости, братва,
От такой удачи».

Июнь 1996 г.

ВАЦЛАВ НИЖИНСКИЙ

*«Каждое его движение - это была поэзия.
Каждый прыжок - полет в страну фантазии».*

Чарли Чаплин

*Он в воздухе парит, и сила притяженья
Ему не может в этом помешать.
Он - дух полета вне служенья и княженья.
Он - гений, и ему судьбу решать.
В восторгах и слезах парижская богема.
Овации из залы все растут..
Вот возникает сцена из античной геммы,
Где нимфа с фавном пробужденья ждут.
Какая красота движений, пируэтов,
Какая мощь в прыжках! Их страсть звать.
И эта танца власть, как слово у поэта,
Что заставляет мертвых оживать.
Дикарь и маг, маэстро, чудо вдохновенья,
Творец любви, сжигающий себя.
России дух крылатый, ветра дуновенье
И мук своих не вынесший судья.
Безумье раннее с часами горя сверьте...
В конце же жизни роковой финал,
Когда в тоске и ожиданье зова смерти
Он слово «матушка» в бреду шептал.
Кого назвал? Нам не дано найти ответ...
Элеонору-мать, жену, а может, Смерть?*

Январь 2001 г.

ГОЛГОФА ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

*«Место захоронения было обнаружено, труп
вырыт, сброшенное на землю тело покойника
сфотографировали, после чего пытались
повесить на дереве, веревка оборвалась. Затем
обезображенный
ударами шашек труп отвезли на городские
бойни, где, обложив соломой, сожгли...»*

Из исторических документов

Глумится в гневе красная Россия,
Не осознав всей низости своей,
Останки мужа, воина и мессии
Висят для устрашения людей.

Зверье в кожанках и папахах драных:
Солдаты и марксисты-палачи,
Осатанев от дел дурных, кровавых,
Вонзают в тело пули, секачи.

Заборный мат для них всегда в законе,
Костер возжгли под телом дикари,
Пылают на огне большом погоны,
Мундир с крестом, иконка, стихари...

Какая все же подлая стихия!
В ней жизнью правят нож и револьвер.
Нас поразила снова лейкемия
Из фраз марксистских и преступных дел.

Террор, кругом террор... разруха, трупы,
Расправа в цвет знамен воплощена,
Как обездушены мы были, тупы
В те дни кровавые и времена.

Не к Богу с чистым сердцем, не к закону...
Скорей к доносам, страхам - не к кресту,
Не петь в стране малиновому звону,
Не быть любви к распятому Христу.

Забыли даже слово «православный»,
Язык увяз в тягучей немоте,
И над страной возник партиец сраный,
Приведший нас к духовной нищете.

Беда, когда в душе совсем нет Бога,
Мерзавцы в мире властвуют везде.
Россия! Мы найдем к тебе дорогу,
Ведущую к божественной звезде.

Она во мне и в каждом не зарыта,
Ее сиянье нас должно спасти,
Но к ней пути порою просто скрыты,
Что все трудней надежду обрести.

Я каюсь пред тобою, Лавр Корнилов.
Как к истине запутаны следы,
Но снова обретаю в небе силы
И вновь кладу на холмик твой цветы.

Сентябрь 1998 г.

***

Осени меня, Осень, родниковую свежестью мысли,
Одари меня, Осень, любовью - не тоской сухостоя,
Не бросай меня, Осень, если тяжкие тучи нависли,
Сбереги меня, Осень, если в доме запахло бедою.

Вот уходит в пустоты, в бездну неба мое поколение,
И дожди зарядили, словно слезы вдовы, на рассвете.
Неужели порывы угасли и увяли стремленья,
Неужели сердца не забьются? Как за все мы в ответе!

Я люблю карнавальные игры в час, когда полнолуние,
Я влюблен в тишину и в деревья, что беседуют ночью,
Я раскрою чудесные тайны, что хранит Шахьямуни,
Я с Христом повстречаюсь, конечно, и всерьез, и воочью.

Но прошу тебя, Осень! Дай прозреть добротой, а не злобой,
Если в смутах сердечных вновь запросит душа возродиться,
Я желаю, чтоб на площади Красной, кровавой и лобной,
Засияли от счастья и глаза, и улыбки на лицах.

Август 1999 г.

***

Романтик лихолетья,
Я выпал из эпохи.
По мне гуляли плети
И марковские блохи.

Мы большей частью люди,
Покинувшие Бога,
Поклонники Иуды,
Хриstopродавцы с торга.

Мы - жаждущие денег,
Бессмысленного блуда...
Нам зависть к лучшим - берег,
Святилище нам - брюхо.

Во имя вражьей силы
Всегда губили, лгали,
На ближних доносили,
На Беса уповали

С лукавым фанатизмом
И темнотою стада,
С его картавым визгом,
С усатым горцем ада.

Настроили бараки
Из ржавчины колючей,
И водкой нас, баранов,
Охмурили покруче.

Итог закономерен:
Внутри тоска, отравы...
В одном лишь я уверен:
Неистребима правда!

Июль 1997 г.

А.С. Грину

Ты вошел потоком сновидений,
Как желанный гость, в мой дом родной.
Пилигрим добра и скромный гений,
Очень рад, что ты опять со мной.

На волнах, грозой возбужденных,
Где цветет морская бирюза,
Вновь увижу дерзких и влюбленных,
Алые от счастья паруса.

На земле древней, чем наша эра,
Ты пошел дорогой в Никуда,
И вела тебя такая вера,
Что сильнее смерти и суда.

1962 г.

***

Павлу Васильеву

Полог неба синий- пресиний,
В нем пылает из звезд рушник,
С песней русской Павел Васильев
Из провала времен возник.

Из озер, камышей Зайсана
И бревенчатой старины,
Из степных стремнин Казахстана
Русокудрый поэт страны.

В нем такая любовь и жажда
Родниковой свежести слов,
Что так ярко, призывно, сжато
К нам приходят из царства снов.

Пусть палач в гимнастерке, ромбах
Топчет тело, на пытки скор,
Есть таланта высшая проба,
Чашу смерти испить - не позор.

Павлодар - город дня и света,
Ястребиного взмаха крыл,
Дар святого и дар поэта,
Что так яростно жизнь любил.

Астана, вокзал, 2 декабря 1999 г.

***

Осину Мандельштаму

Жужжанье ос, и в нем возникло имя Ося,
Поэзия его - души нектар,
Он сопрягал века, с себя вериги сбросив,
И в сердце нес любви великой дар.

В нем интеллект ветхозаветного пророка,
Он эллин, иудей из россиян,
Талант ему завещан в слове вещем Бога,
Он из страны, где пел для нас Боян.

Какая красота в словах и их паренье,
Как бредит вдохновеньем Осин лик!
Вдруг образ оживает в чуде озаренья,
Вдруг звук поющей речи в нас проник.

Когда же к нам пришел час тяжелых испытаний,
Когда замолкла совесть, дух сомлел...
А жизнь казалась сном, таким дурным и странным,
И страх вселенский всеми овладел...

Кремлевскому тирану, горцу, тезке, змею
Он вызов бросил, честь России спас.
На вид хиляк всего, но муж среди пигмеев,
Поступком смерть поправил и в ней угас.

Пиит небритый и служитель муз парнасских,
Тебя, твои стихи я не предаю,
Ты мой Орфей и добрый дух из детской сказки,
Которого звать Осип Мандельштам!

Ноябрь 1996 г.

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

*«Мне не надо блаженства ценой
унижения».*

М. Цветаева

Рука творца привычно месит глину,
В ней оживает праотец Адам.
Но может, до него была Марина,
Морская пена, чудо и обман.

Она в порыве и в плену искуса,
Открыта всем - и это неспроста,
Ей дар души вручен от Иисуса,
Голгофа - от распятого Христа.

В ней Библии торжественное слово,
Она - стихия, дуновенье, новь,
В гармонию ликующую снова
Стремятся строчки девичьих стихов.

Безмерная и мудрая Марина!
Вся жизнь твоя - не поле перейти,
Сгубили быт, война, вождей личины
И правда, ложь, готовая смести.

В Елабуге затеряна могила...
И воют ветры сатанинских сфер.
Жена «врага народа» невзлюбила
ГУЛАГ с названием ЭСЭСЭСЭР.

Но победят мороку, тлен, забвенье
Огонь добра, дыханье вещих слов,
Пришедших к нам, как светлое мгновенье,
Вернувших всем Россию добрых снов.

Ноябрь 1996 г.

***

А.Ф. Лосеву

Розовощекий пухленький мальш,
Голубоглазый баловень у папы.
Под скатом жестяных с подпалиною крыш
Щенку щипцами переламывает лапы.

Визг переходит в вой и сердца сбой,
Скулит щенок, что дрожь по коже пробегает,
Невыносимая в глазах собачьих боль
Усмешку херувима вызывает.

Он счастлив, убивая песью жизнь,
Он сыт, обут, не знает мук печали.
Его каприз - закон. Семья без укоризн
В мальце своем совсем души не чаёт.

Откуда страсть к мучительству и злу,
Откуда чистая и ясная улыбка,
Откуда? Сердцем просто не пойму,
Перехватило горло сукровицей липкой.

Май 1998 г.

БАЛЛАДА О БАРДЕ

Посвящается В.С. Высоцкому

Ворона накаркала барду беду,
А он продолжал шутить.
Всегда рисковал и спешил на лету
Дружить и всерьез любить.

Творец в нем признал только власть - и одну:
Быть в жизни самим собой.
Его же хотели к ногтю и ко дну,
А он уходил в запой.

Но если печаль перешла бы в тоску
И не было мочи ждать,
Он совесть и душу готовил к броску,
Чтоб песне свободу дать.

Ворона накаркала барду беду,
А было ему сорок два.
И сердце устало стучать на посту...
И смерть тут за ним пришла.

Август 2000 г.

***

*«И не раскаялись они в убийствах своих, ни
в чародействах своих, ни в блудодеянии
своем, ни в воровстве своем».
Новый Завет. Откровение святого
Иоанна. 9:21.*

Кровавым росчерком тирана
Решалась родины судьба,
Ее зияющие раны
Раскрылись в муках и скорбях.

Тянулись смерти эшелоны
Змеей на север, юг, восток,
В них задыхались миллионы,
Чей растворился в мире вздох.

А вместо солнца с небосклона
По мановению вождя
Взошла для обреченных СЛОНа*
Пятиконечная звезда.

Сверкала новая Горгона
Очами ужаса и зла,
Ее рубиновая корона
Обманывала и влекла,

Пленила маршами и песней,
Парадами, сниженьем цен
И заглушала все успешней
Истошный крик кровавых сцен.

Неправый суд и смерть в бараке,
Растоптанную пыткой честь...
И столько было боли в мраке,
Что и сейчас не перечсть!

Я помню Осипа и Павла,
Бориса, Хармса** имена...
Кометой горестной упала
Их жизнь: надежда и вина.

Какое черное сиянье!
Мы растеряли совесть, стыд...
И где же наше покаянье?
И всем нам быть - или не быть?..

Июнь 1997 г.

* СЛОН - Северные Лагеря Особого Назначения,
одно из первых и крупных подразделений ГУЛАГа.

** Осип Манделштам (1891-1938), Павел Васильев
(1909-1937), Борис Корнилов (1907-1938), Даниил
Хармс (1905-1942) - русские и советские поэты,
погибшие в годы репрессий.

***

Отец и дочь шагают по тропинке,
Я слышу их неспешный разговор,
Кузнечики танцуют по старинке,
И солнце вновь заглядывает в бор.

Парит в лесу... Грибами пахнет лето,
Тропинка уже... И ее как нет.
И вот стоят перед судьбой и метой
Он и она - на перепутье лет.

Та мета - дуб, огромный и могучий,
Весь в шрамах и морщинах закален,
И под шатром листвы его плакучей
Как будто раздается тихий звон.

И кажется, что от корней ползучих,
Из каждой ветки, листика, ствола,
Жизнь - песенка, что радует и мучит,
Готова петь, труслива и смела.

И девочка в тревоге и смущенье
К отцу прижалась и во все глаза
Глядит на то, что ждет ее в свершеньях,
В тоске и муках, вздохах и слезах.

Открылось все: любовь и встреча с мужем,
Отцу несправедливый приговор.
И мать седая от беды и стужи,
И страхом меченный оконный створ.

Но миг прошел. Отец, любя, склонился,
Поднял на плечи, прочно усадил,
Вспять повернул. Диск солнечный садился,
А над страной кровавый серп всходил.

Август 1996 г.

***

Донос, как состояние души,
У нас в крови глубоко затаился.
Он добирался до любой глуши
И никогда во тьме с пути не сбился.

Одним принес кошмар и боль в ночи,
Другим платил за клевету, наветы...
И становился добродетелью почти
В стране, где мало совести и света.

Он посещал большие города...
Гремели в парках гимны, марши, песни,
Опустошая страхом навсегда
Поселки, станции, колхозы и деревни.

И обещал не трогать и сажать
В обмен на «подвиг» рыжего Иуды,
Звал жалость к ближнему не проявлять,
Считая состраданье шагом к смуте.

И как же вынесла красавица земля
Такое на своем прекрасном теле?
Все разъедала вожденосно тля...
И в этом деле славно преуспела.

Не разомкнули мы позора круг
И не покаялись, не обрели прозренья,
Мы стали бомжами и нацией пьянчуг,
И нет для нас вселенского прощенья!

Июль 1998 г.

***

Горит свеча...
Как тает жизни воск!
Гоню печаль,
Но жизнь - труднейший кросс.

В бегах всегда,
Уходят ноги в грязь.
Моя судьба,
Что явь, не задалась.

Моя звезда
То гаснет, то замрет.
Судьба, судьба!
А дел невпроворот.

И рифм весна
Уж не рождает стих.
Задохся я,
И сердца стук утих.

В плену у сна
В провал упал, забыл...
Утешь меня!
Мне мало, что я был.

Но не взлечу,
Как в небо самолет.
Любить хочу,
А сердце колет, жмет...

Но верю ей,
Владычице сердец,
Она скорбей
И радостей творец.

Поэзия -
Любовь, а не балласт.
Поэзия
Не бросит, не предаст!

Ноябрь 1998 г.

***

Накрапывал дождик, и в гости
Спешил, словно счастья искал,
Он к сердцу из нежности мостик
С усердьем большим пролагал.

Нам что-то мешало до боли,
Я мучился и возражал...
Как будто в плену у неволи
Вслепую свободы искал.

И вдруг наступило прозренье:
Я должен омыться дождем,
Забыв про бесславье измены,
Вернуться в родительский дом...

Согреться за чашкою чая,
Неспешный ведя разговор,
Заслуги друзей отмечая,
Забывать про обиды и вздор...

Не сеять в душе возмущенья,
Ведь много еще предстоит
Ошибок, падений, свершений,
Чтоб кубок любви осушить...

Понять, что гармония лада
Прописана свыше Творцом,
И будет на сердце отрада,
Когда песню песней споем.

Июль 2002 г.

***

Мучительно ждать, не надеясь на чудо,
Еще тяжелей понимать - ты пленен
Веригами, что рыжеватый Иуда
Опутал нас сумраком старых времен.
И если возникнет такая возможность,
Назначит цену за страданья Христа.
Лишь тридцать монет - плата просто за
подлость,
Предлог для предательства, жалкая мзда.
В лугах заливных запах, цвет медуницы,
В них хочется с блажью чуток подремать,
Забывать про заботы и хмурые лица,
О Боге подумать, Россиею стать...
Опять воскресив в сердце память и маму,
Понять, что «авось» - ненадежный оплот,
Взойти по дороге к небесному храму,
Что куполом держит лазоревый свод.
И в душу прольется такое сиянье
От Сергия, Пушкина, Блока, Козьмы...
Мы сами с усами, ведь мы россияне,
Ведь мы одоление мрака и тьмы.

Июль 2000 г.

***

Говорят, что жизнь - лишь шоу,
В ней бесчинства, мишура,
Где в угоду живоглоту
Унижается душа.

Где распято все, что свято,
Где свирепствует молва,
Где записаны на сайте
Сатанинские слова.

Может, так, а может, этак,
Я не знаю, что сказать.
У пророков и поэтов
Нет путей, чтоб отступить.

Может, стать властей холопом,
Их заказы выполнять,
Можно на Парнасе лобном
Щеки бедам подставлять.

Но дороже нам свобода
Незапятнанная слов,
Вдохновение - не мода,
Не поклажа для ослов.

Для утряски, для усушки
В забубенной глубине
Вдруг метафоры-зверушки
Зароятся в голове...

И родится чудо-образ,
Полный чувства, красоты,
И улыбкой счастья космос
Нас приветит с высоты.

Июль 2001 г.

ДЕРЕВЕНЬКА

В. Гундареву

Деревенька притулилась
У развилки трех дорог.
Ночью мама мне приснилась,
И еще родной порог.

Вот избушка вырастает
Из бурьяна... цедит свет.
Банька топится простая,
Чуть поодаль - сельсовет.

На завалинке из шлака
Степа курит самосад...
Гонят самогон в бараке,
Подзарос крапивою сад.

Захолустье и унынье...
Будто совершен набег.
Неужели бесы, свиньи
Превратили нас в калек?!

Но закончится молчанье,
Прокричит с утра петух,
Трактор проворчит сельчанам,
В поле на коне пастух.

Верю я - уйдешь из плена,
Знаю - очень тяжело...
Все ж поднимешься с коленей
И поймешь, что зло прошло.

Но не слышно песни вольной,
Что на запад... на восток...
Деревенька, сердцу больно
На развилке трех дорог!

Май 2002 г.

Ю.Ф. Захарову

Мой друг, я рад без всякой лести,
Что ты улыбчив и здоров,
Что в наших душах повсеместно
Играет солнечная кровь.

Ты много строил и скитался
На казахстанской целине
И в сердце с ней навек остался...
Мы все тоскуем по весне.

Шагай уверенно и смело,
Ты не болтун и демагог,
А слова человек и дела,
Всего того, что жизни впрок.

Не разлучат нас свары, бури,
С ног не собьет дурная весть,
Уверен я - Захаров Юрий
Не предаст друзей и честь.

И пусть твой храм с веселым звоном
Приветствует тебя всегда...
Я знаю, что на небосклоне
Зажглась еще одна звезда.

Сентябрь 2002 г.

***

Шлет судьба удачи и удары.
Как непредсказуема она!
Миром правит запах перегара,
И трещит от боли голова.

Господи, почто так много вздора!
Люди бегают, кричат, спешат...
Роботы, компьютеры, моторы
Превратили жизни наши в ад.

Прочь от закодированной гонки,
От толпы, газет и суеты...
Голоса слышны под утро звонко,
То кричат в поселках петухи.

Милые дурашливые птицы,
Вы - певцы последние земли!
Мне уже не снится и не спится...
Дурь, тоска до точки довели.

Нет, не точка... только запятая,
Станция последняя в пути,
А за ней такая тьма глухая,
А за ней гудки, гудки, гудки...

Август 2000 г.

Ландшафты

ТАЕЖНЫЕ ЦВЕТЫ

Как оживают в памяти цветы
Таежные, неяркие, простые...
Средь сосен первозданной красоты
Они такие скромные, родные.

Как нежен, тонок, свеж их аромат,
И не сравнить его с дыханьем юга.
Он - запах счастья. Тот ему не брат,
Как желанны ненависти выюги.

А жизнь швыряет оземь, невпопад,
Наносит шрамы и не знает шутки,
В глазах твоих, и я безмерно рад,
Сияет свет восторженный и чуткий.

Прости меня... суровый облик мой,
В нем кроется такая бездна страсти...
Слезой любви тревогу сердца смой
И сбереги улыбкой от напасти.

Опорой стану для твоей мечты,
А смерть придется только раз изведать.
Припомни, как в тайге поют цветы,
Порхают поцелуи на рассвете.   Ноябрь 1997 г.

***

Седые лешаки в кустах гогочут,
Встревожив гладь озерной тишины,
И берегиням материнство прочат,
Их в камыши зовут и дарят сны.

В реке плеснет хвостом игриво рыба,
Сопровождая бег изящных волн,
И вдруг всплывет волшебница Улыба,
Краса и гордость, вила* здешних вод.

Лишь прозвучит порой сигнал машины,
Да в небе самолет прочертит след,
А в глубине листвы и паутины
Теряется надолго солнца свет.

Здесь логово седой беззубой дамы,
Яга ей имя, все детей страшит
Морщинами и впалыми висками,
Глаза ее, как уголь - антрацит.

Все носом шмыгает. И крикнет, ахнет,
Почувствует нутром, ей нелегко,
«Фу, фу! Тут слишком духом русским пахнет,
Я не могу переварить его».

Но в темноте поет еще Страх-птица,
Чертоги тут Судьбы, их метит Чур,
И не увидать близкие нам лица,
Здесь Мора, Чернобог и Карачун**.

А дальше исчезают сны и сказки,
Врываются обида и тоска...
Я не хочу по чьей-то жить указке,
Мне путь указан песней лесунка!

Октябрь 1996 г.

* Вила (сл.) - у древних славян: языческая дева вод, подобно русалке.

** Страх, Чур, Мор, Чернобог, Карачун - славянские языческие божества.

***

Как свечи белые, березы стройнотелые,
В них, раскудрявых, светится душа...
Они в лесу живут, красавицы несмелые,
Они зовут нас, нежностью дыша.

Тогда вступаешь в хоровод их без отчаянья,
Уставший весь от дрязг и пошлой лжи...
Они тебе навеют песенки венчальные,
Прошепчут: «Ты обид не вороши...»

Но, проплутав в бору густом с часок, не более,
Приляжешь на траву... нагрянет сон...
И в этом сне, как на парче с зеленым колером,
Вся жизнь твоя... и ты бредешь в загон.

Войдя в него быком с красивою отметиной,
Мыча от глупой радости и ласк,
Как в съемке долгой, равнодушной и замедленной,
Ты свалишься, хрипя в последний раз.

Но тут встряхнешься от приснившейся истории,
Вокруг порхают бабочки, стрижи...
Покажется тебе, что за пеньком повздорили
Настырные и юркие ежи.

Потянешься, вздохнешь на все четыре стороны,
А от берез душистый аромат,
И ты, язычник, начинаешь петь про ворона,
Про жизнь свою и про старушку-мать.

Март 1997 г.

БАБЬЕ ЛЕТО

Неожиданно ворвалось лето,
Бастионы осени поправ,
Много солнца, воздуха и света,
И стихи рождаются с утра.

Не привыкну я к таким репризам,
Что швыряет время напрокат.
Вот и душу радуют капризы,
Если необычное таят.

Знаю, победят пурга и холод,
Птицы грустно в небо прокричат,
С веток засыхающая молодь
Будет на тропе вовсю плясать.

В вихрях разъярившаяся осень,
Раздирая кудри до крови,
Вдруг завоет злобно в неба просинь,
Напрягая легкие свои.

Но прольется в жаждущую землю
Дождь любви из счастья редких слез,
Я душой страдающей приемлю
Голос стройных, ласковых берез.

У родного очага не греюсь,
Улыбнись, прекрасна и чиста,
Верю, жду, люблю, пою, надеюсь,
Что спасет меня твоя звезда.

Сентябрь 2000 г.

***

Ах, осень! Полон лес листвы и нежити,
Шушукуют шишиги, корчат рожицы,
Кикиморы в обнимку жмутся с лешими,
Да ветер свищет в златокудрых рощицах.

И птицы, оживленно с ним беседея,
Взлетают энергично в небо клиньями,
Они на времена уже не сетуют,
Они на юг стремятся горькой линией.

Морозным серебром чуть припорошены
Поля пестреют шахматными клетками,
Темнеет с горя трактор кем-то брошенный,
И куст молчит с воздетой к небу веткою.

В бараках грязных, где судьбой пропитано,
И пахнет потом, табаком, сивухой...
В них все тоской смертельно пронизано,
В них правит зло с тараканьем и мухами.

Стоит, стоит кругом пора унылая,
И птичий караван по небу тянется...
Так неужели жизнь теперь постыла нам
И навсегда душа с Христом расстанется?!

Октябрь 1996 г.

ПО ИРТЫШУ

На катере плыву по Иртышу,
Волна, ярясь, кидается вдогонку.
Обид своих в душе не ворошу,
Что жаждут затянуть меня в воронку.

Я радуюсь бегущим берегам,
Их зелени из царственной короны,
Вот также годы пробегут, и нам
Оставят только отзвуки гармонии.

Но, наблюдая пенную волну,
Ее веселье и слепую ярость,
Я забываю прошлую войну
И про свою грядущую усталость.

А ветер обвевает мне лицо,
Река прохладой, свежестью встречает
И надевает на меня кольцо,
И властно от себя не отпускает.

Так я повенчан с праздничной рекой,
Ее в Сибири нет, пожалуй, краше.
Поверь, Иртыш, теперь ты не изгой,
Скорей судьба, любовь и счастье наше.

Омск, 20 августа 2001 г.

***

Г. Заволокину

Гармонь российская скорбит на полустанке,
Ее избранник в мир иной ушел...
Деревни, города, поселки, веси, страны
Грустят о том, кто песни был посол.

Но обретала Русь в соцветьях дня и красок
Ту музу, что не раз спасала дом...
Он космос новый из народных песен, плясок
Творил талантом, волей и трудом.

Заволокли Россию тучи и напасти,
Замолк на время у тальянки лад,
Геннадий был всегда лучом любви и счастья
И песней, что так красит жизни сад.

Июль 2001 г.

***

Моей России прозреть века
Свою особую судьбину,
А мне в мученьях истину искать
И знать, что без нее я сгину.

А если Родины не обрету,
То в сердце сохраню навечно
Ее просторы, неба красоту
И новогодней елки свечи...

Любимой смех и пенье петуха,
Стихи пророческие Блока
И чугунок, в нем варится уха,
И даль, что слышит голос Бога.

20.01.2002 г.

***

Мы отложим в сторонку дела
И теснее наш круг обозначим,
Если ложь нас с ума не свела -
На коней - и в атаку поскачем.

Будет ветер лицо обжигать
И наотмашь хлестать нас по скулам,
Будут яростно вновь отвергать
Сердце конника вражьи дула.

В стуче скачущих быстро копыт,
В нарастающем реве из глоток,
В блеске острых клинков позабыть
Кровоточащий след от колодок...

Позабыть бытовуху тех дней,
Где коварство чинов и начальства,
Где упреки жены и детей,
Где безумие пьянства, нахальство...

Чтобы страхи и смерть победить,
Нужно в схватке, паденьях и боли
Вдохновенно себя убедить
В первозданности божией воли

И в истоме смертельной упасть
На любимую стылую землю,
Вдох последний у жизни вобрать,
Причаститься, все в мире приемля.

Крест к губам пересохшим прижать,
Богу слово заветное молвить,
Застывающим взглядом принять
Неба синь и осеннее поле.

Октябрь 1997 г.

***

Зверь уходит в чашобу
Умирать в одиночку,
Не увидели чтобы
Ту тропу среди ночи.

Миг великий прощанья
И ухода из жизни,
С хрипом рвется дыханье,
Слезы с горечью виснут.

От тоски превеликой,
Угасанья и боли
Взгляд тускнеет, и блики
Света душу неволят.

Так и я на пределе
Свечку Богу поставлю
И покаюсь всем телом,
Всей душой... и привстану.

Крест любви сотворивши,
Попросивши прощенья,
Под небесною крышей
Буду ждать воскрешенья.

Я не дух Анатэма,
Я не зверь из берлоги...
Как прекрасны поэмы
О любви и о Боге,

О цветах и приливах,
Красках, звуках творенья,
О ручьях говорливых,
Огоньках, откровеньях,

О траве и деревьях,
Детях, запахах, звездах,
О душе, что издревле
Жаждет страстно и слезно,

О малиновом звоне,
Храме Божьем на солнце,
О дороге и склоне,
О домашнем оконце...

Разве все перечислишь,
Разве всех перелюбишь,
Разве верно оценишь,
Разве сыт этим будешь?

Вот итог! Его нету...
Есть конец, бесконечность,
Есть прозрачность и мета,
Есть попытка и вечность.

Ноябрь 1997 г..

РОССИИ

Она живет в ручьях и перелесках
И в семицветной радуге небес,
В фиалковых глазах, их влажном блеске,
И в сарафанах радостных невест.

В протяжных песнях, удалых и мощных,
Где столько широты и доброты...
И в переплясах, уханье гармошек,
В желании любви и правоты.

В закатах розовых, родных и грустных,
В ласкающих атаках ветерка,
О чем тоскует потрясенный узник,
Печалются под вечер берега...

О ком поют колокола? О Боге,
Он в нас и в небе, в море голубом,
В кадансах соловья, грачином слоге
И в том, чему названье «Отчий Дом».

В дымках деревни, в красках Левитана,
В ершистых анекдотах и словах
Я узнаю твой дух, Россия! Тайно
Меня в дождях Ты будешь отпевать.

Но даже там, где красок нет и жизни,
Я прорасту цветами и травой,
Чтоб каждый странник твой и даже ближний
Любил Тебя, гордился бы Тобой.

Июнь 1996 г.

***

Ах, русская баня с березовым веником!
Ты царство, где властвует пар и вода...
Я буду всю жизнь твоим бардом и пленником,
Чтоб в теле играли с задором года.

На полке лежу, обмираю от жалости
К своим так беспомощным вдруг телесам,
И хлещет по ним вдохновенно и в ярости
Бухгалтер с Урала, дружок мой, Арам.

А рядом, стараясь с избытком и рвением,
Друг друга неистово драют мужи...
И нет у меня никакого сомнения,
Что скоро наступит восторг для души.

Не стану я этому счастью изменником,
Я чистый и розовый, вновь молодой...
Ах, русская баня с березовым веником,,
С беседой и квасом, закуской простой!

24 ноября 2002 г.

***

**РОССИЯ - СТЕПИ, РОССИЯ - ЛЕС,
РОССИЯ - РЕКИ, РОССИЯ - ЧЕСТЬ...
РОССИЯ - АНГЕЛ, РОССИЯ - БЕС,
РОССИЯ - ПЕСНЯ, РОССИЯ - ЕСТЬ!**

9.05.2002 г.

ТАИНСТВА ЛЮБВИ

Открой мне, Боже, таинство любви!
Я не достоин Твоего участия,
О совесть! Ты не мучь, а позови...
Как не дается искупление счастьем?

Я весь перед Тобой. Меня прости...
Я жалок, грешен, этого не скрою,
Но все болит душа. Ее спасти
Не так легко, как кажется порою.

В лесу растет пленительный цветок,
Но без тепла и света он хиреет.
Моя любовь - испуганный зверек,
Он в панике мятется и глупеет.

И обрекает сам себя на смерть,
В тупик загнав свое шестое чувство,
Любовь - ты сердца боль и круговерть,
Талант от Бога, истина, искусство!

Смотрю опять в любимые глаза,
Огромные и серо-голубые,
В них бездна неба, вешняя гроза,
Слеза, которая растопит глыбу.

Так что ж такое таинство любви?!
Ступенька восхожденья в рай и к Богу?
Охотник, Синеи птицы не лови,
Она не жертва, а прорыв в свободу.

Январь 1997 г.